

Выводы

Таким образом, при гипокинезии в энергетической системе кардиомиоцитов протекают два взаимопротивоположных процесса: разрушение и компенсация. На ранних сроках иммобилизации отмечается резкая стрессорная стадия, запускающая компенсаторные механизмы. Развивающиеся приспособительные реакции лишь частично стабилизируют митохондриальную систему кардиомиоцитов к более поздним срокам гипокинезии. Компенсаторная перестройка приводит митохондрию к менее совершенному структурному и энергетическому уровню, что может являться не только предпосылкой, но и перманентно действующей причиной развития патологических изменений в мышечных клетках сердца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлович, Е. П. Ультраструктура миокарда сердца кролика в поздние сроки иммобилизационного стресса / Е. П. Павлович // Бюллетень экспериментальной и биологической медицины. — 2001. — Т. 132, № 7. — С. 99–102.
2. Пауков, В. С. Рекомбинационные преобразования митохондрий в поврежденных кардиомиоцитах / В. С. Пауков, Д. Д. Проценко // Бюллетень экспериментальной и биологической медицины. — 1998. — Т. 125, № 3. — С. 244–250.
3. Сударикова, Ю. В. Энергозависимые изменения ультраструктуры митохондрий кардиомиоцитов человека при алкогольном поражении сердца / Ю. В. Сударикова, Л. Е. Бакеева, В. Г. Цыпленкова // Архив патологии. — 1999. — Т. 61, № 2. — С. 15–20.
4. Усов, А. И. Комплексная морфофункциональная характеристика мозгового вещества надпочечников и синоаурикулярной области сердца собак после 30-суточной гипокинезии / А. И. Усов, Т. И. Васягина, И. Г. Стельникова // Морфология. — 2005. — Т. 127, № 2. — С. 47–51.
5. Шорникова, М. В. Межмитохондриальные контакты в системе митохондрия кардиомиоцитов в норме, при физических нагрузках и в патологии / М. В. Шорникова // Онтогенез. — 2000. — Т. 31, № 6. — С. 470–475.

УДК 808.2+809.436.1

КОМПОНЕНТЫ-ЗООНИМЫ В РУССКИХ И ТУРКМЕНСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЯХ

Малявко О. А.

Учреждение образования

«Гомельский государственный медицинский университет»

г. Гомель, Республика Беларусь

Введение

Образные сравнения всех языков мира, в большинстве своем, группируются вокруг действий человека, различных жизненных ситуаций, индивидуальных признаков предметов и явлений действительности, ассоциаций с животным миром и т. д. Возникая спонтанно, эти сравнения в основном утрачиваются в общем потоке речевой деятельности, но на их основе, проходя жесткий отбор, формируются устойчивые сравнения. Они характеризуются воспроизводимостью и являются не просто явлениями речи, а единицами языка как системы и образуют в совокупности составную часть фразеологии языка. Такой языковой процесс отбора происходит в соответствии с менталитетом народа, его традициями, особенностями культуры и истории.

Цель

Проанализировать сходство и различие некоторых символов в образных устойчивых сравнениях с компонентами-зоонимами из русского и туркменского языков.

Результаты исследования и обсуждение

Понятия и ситуации, лежащие в основе фразеологизмов разных народов, могут иметь много общего, если образованы на общности быта, животного мира, природных условий, на процессах, связанных с проявлением жизненных функций и чувств человека. Многие слова, являющиеся названиями предметов окружающего мира, становятся символами, которые олицетворяют те или иные свойства и качества самого человека.

С названиями животных в разных языках связаны как сходные, так и различные символы. Обычно волк — символ жадности; лиса — хитрости; змея — коварства; свинья — грязи и неаккуратности; лев — силы; ягненок — смирения и т. д.[2].

Рассмотрим некоторые примеры таких устойчивых сочетаний из русского и туркменского языков. Например, выражение русск. *хитрый как лиса* и туркм. *mekirtilki ýaly* обозначают ‘лживый, хитрый, коварный, с тайными корыстными намерениями’. В туркменском языке *tilki* имеет также переносное значение ‘хитрец’. И в том и в другом языке есть фразеологизм *лиса хитростью берет* — *tilkimekirlilkbilenyolalar*, значение которого совпадает [1].

Свинья является воплощением грязи, неаккуратности. Русск. *как свинья* имеет несколько значений: ‘жирный, толстый’; ‘грязный’; ‘жить грязно, нечистоплотно, в неподобающих для человека условиях’; ‘вести себя некультурно, непорядочно, быть неблагоприятным’; ‘есть некультурно, неразборчиво, что попало’; ‘небрежно рыть землю’; ‘чрезмерно пить, напиваться’. В туркменском языке подобное сравнение имеет те же значения, что и в русском, кроме трех последних: ‘*semizdoňuzaly*’; ‘*hapadoňuzaly*’; ‘*tagashyksyzdoňuzaly*’; ‘*medenýetsizdoňuzaly*’. И в том и в другом языке встречаются производные слова русск. *свинство*, туркм. *doňuzlyk*, имеющие сходные значения [1].

Змея является символом коварства, подлости в сопоставляемых языках. О злом и коварном человеке скажут: русск. *как змея*; туркм. *ýylan ýaly, gaharjangýylanýaly, hilegärýulanýaly*. В то же время в туркменском языке отсутствует выражение *как змея подколотная*. В русском языке выражение *как змея* имеет дополнительные значения ‘длинный, извилистый’ (дорога, тропа) и ‘гибкий’ (человек, животное). В туркменском языке таких дополнительных значений нет. Но в южных районах Туркменистана сравнение *как змея* имеет и положительную оценку: ‘умный’ — *akyllyýulanýaly*. Неслучайно, еще в древности с возникновением культа змеи ей приписывалась двойная роль: зла и добра. С одной стороны, змея была символом хитрости и коварства, с другой — бессмертия, мудрости и знаний. Но почему именно змея была наделена такими противоречивыми качествами? Некоторые исследователи считают, что болезни, тем более смерть, всегда были для людей явлением таинственным и непонятным. Непонятны были и причины болезней и смертей. Змея же всегда оставалась существом таинственным и непонятным. Может быть, полагают исследователи, люди связывают непонятные явления с непонятными существами. Если же обратиться к медицинским эмблемам, то на них змея символизирует доброе начало, чаша же со змеёй, как символ медицины, олицетворяет собой лечебные свойства змеиного яда, так широко использовавшегося в медицине [3]. Сравнение *как змеиный яд*, туркм. *ýulanuň zäheri* означает, с одной стороны, ‘коварство’, ‘злое слово’, а с другой стороны — ‘лечебное средство’.

Рассмотрим некоторые русские и туркменские выражения со словами русск. *собака* и туркм. *it*. В русском языке устойчивое сочетание *как собака* может иметь различные значения, например: ‘голодный, уставший, злой, замерзший и другие неприятные ситуации’, ‘что-то ненужное’, ‘опытный, бывалый’, ‘тот, кто прожил недостойную жизнь’, ‘знаток, ловкий в каком-либо деле’, ‘много чего-либо’, ‘тот, кто имел что-то, но не пользовался сам и не давал пользоваться другим’, ‘обвинять в чём-либо’. В туркменском языке эти сравнения имеют те же значения, что и в русском, кроме последнего. Многие из них национально специфичны, например: русск. *как собаке пятая нога* в туркм. *gechingöngayagy ýaly* (букв. *как козлу передние ноги*); русск. *собаку съел* — туркм. *gushyýidim* (буквально *птицу съел*). О человеке-пустослове в туркменском языке говорят: *itýrer, kerwengecher* (букв. *собака лает, караван идет*), об эгоисте: *itgözlemez, pishikbakmaz* (букв. *собака не ищет, кошка не кормит*), о ленивом человеке: *ititebuýrar, itemguýrugna* (букв. *собака собаке прикажет, а собака — хвосту*) [4]. В русском и туркменском языках есть производные слова русск. *собачий*, туркм. *itingki ýaly*; русск. *собачиться*, туркм. *it ýalyýyrishmek*, значения которых совпадают. И в том и в другом языках есть выражение *itbilenpishik ýaly* или *жить как кошка с собакой*, т. е. ‘в постоянной вражде’ [1].

Сравнения русск. *как кошка* и туркм. *pishik ýaly* довольно распространенные в обоих языках. В русском языке устойчивое сочетание *как кошка* имеет несколько значений, например: 'ласковый'; 'влюбчивый'; 'живучий, быстро оправляющийся от болезней и травм'; 'ловкий, проворный, гибкий'; 'худой, жалкого вида'; 'ходить, подкрадываться неслышно, осторожно'; 'хорошо видеть в темноте'. В туркменском языке есть сочетание *mylaýympishik ýaly* 'ласковый как кошка', *janyberkpishik ýaly, chaltgutulyýar* 'живучий как кошка', *garangkylykdagowugöryýar* 'хорошо видеть в темноте', которые имеют сходные с русскими идиофраземами значения. Похотливого человека также сравнивают с котом в обоих языках: туркм. *ýeldirgänpishik*, русск. *мартовский кот*. Значение 'падать на ноги во время падения' в туркменском языке соответствует *pishikdörtäyagnadüşyýar, sebäbionungarkasyndan Muhammetpygambersypalapdyr*, поскольку есть легенда, что кот обладает такими качествами, потому что его погладил по спине пророк Мухаммед. Необходимо отметить, что в туркменском языке отсутствуют выражения, подобные русск. *как угорелая кошка* 'в иступлении, бессмысленно', *жмуриться как кот* 'жмуриться от удовольствия' [1, 2].

Вывод

Таким образом, анализ сходств и различий устойчивых сравнений с компонентами-зоонимами предполагает доскональное знание повадок животного и его характера носителями обоих языков. Это происходит по причине общности свойств и повадок животных, названия которых являются в сравнительных оборотах основным компонентом. Различия же касаются особенностей культуры, быта, верований и традиций, в которых отражено разное отношение к различным животным. Символы-зоонимы у многих народов совпадают, однако у каждого народа существует свое собственное отношение к различным животным. Но постольку фразеологизмы рождаются в силу необходимости найти знаковое выражение для определенного события, действия или ситуации, то анализ информации, содержащийся в них, помогает понять особенности материальной и духовной культуры народа, а также его национальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой русско-туркменский словарь: в 2 Т. / под ред. Б. Черьянова. — М.: Р. язык, 1986
2. Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка / В. М. Огольцев. — М., 2001. — 800 с.
3. Петрова, Н. П. История медицинской этики. Медицинские эмблемы / Н. П. Петрова, Т. М. Шаршакова. — Гомель: ГомГМУ, 2013. — 56 с.
4. Шанский, Н. М. Краткий русско-туркменский фразеологический словарь / Н. М. Шанский, Е. А. Быстрова, Б. Джумагельдыева. — Ашхабад: Магарыф, 1981. — 134 с.

УДК 616.921.8 (476.2).

КОКЛЮШ: ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Мамчиц Л. П., Марушак Д. А., Душкова С. В.

Учреждение образования

«Гомельский государственный медицинский университет»

г. Гомель, Республика Беларусь

Коклюш относится к инфекциям, управляемым средствами иммунопрофилактики. Развитие эпидемического процесса находится в тесной прямой зависимости от состояния коллективного иммунитета населения. По расчетам ВОЗ *Bordetella pertussis* ежегодно вызывает около 16 млн случаев коклюша и около 195 тыс. случаев смерти, в основном среди младенцев в развивающихся странах.

В Республике Беларусь с 2000 г. достигнуты оптимальные показатели привитости — 97 % и более. Тем не менее в последние годы обращает на себя внимание увеличение заболеваемости коклюшем среди детей в возрасте 7–14 лет (в основном речь идет о лег-